

Кельмаков В.К.
г. Ижевск

Первый коми-пермяцкий доктор-языковед Р.М. Баталова в моих воспоминаниях-размышлениях

С ноября 1964 года я стал аспирантом Института языкознания АН СССР, и как аспиранта-первогодника, работники сектора финно-угорских языков и аспиранты постарше (специалисты по самым различным языкам) с первых же дней включили меня в свой дружный коллектив – в рабочую и не только... среду. Аспирант по удмуртскому языку, я стал вхож в семью доктора филологических наук Василия Ильича Лыткина (*сфера научных интересов – коми язык и фонетика финно-угорских языков*) и кандидата филологических наук Тамары Ивановны Тепляшиной, занимавшейся удмуртским языком: иногда приходил к ним домой за уникальными публикациями и рукописями диссертаций по пермским языкам и финно-угроведению, которые не всегда можно было найти в объединенной библиотеке Института языкознания и Института русского языка. Мне нравились общительный характер и своеобразный юмор кандидата филологических наук Александра Павловича Феоктистова, исследовавшего мокша-мордовский язык, были по нраву легкость в общении и вечная готовность помочь в чем-либо своими консультациями доктора филологических наук Клары Евгеньевны Майтинской, специалиста по венгерскому языку и грамматике финно-угорских языков, импонировали застенчивый нрав и ненавязчивая отзывчивость кандидата филологических наук Евгении Ивановны Коведяевой, исследовавшей марийский язык...

Благодаря сотрудникам и аспирантам сектора финно-угорских языков, я смог присутствовать на всех мероприятиях, проводимых в Институте и в секторе: на защитах кандидатских и докторских диссертаций по различным языкам, научных совещаниях различного уровня; на предварительном обсуждении кандидатских и докторских диссертаций, а также серьезных монографий по финно-угорским языкам, выполненных не только здесь, но и в других центрах финно-угроведения Советского Союза и т.д.

Как-то в самом начале 1965 года приезжал из Сыктывкара Геннадий Григорьевич Бараксанов с целью согласования с В.И. Лыткиным программы

XI Всесоюзной конференции финно-угроведов, которая должна была состояться летом в столице Коми АССР. Уточнив в моем присутствии, чьи темы пойдут в качестве доклада, а чьи – как сообщения (так и слышу голос Василия Ильича: "Доклад, сообщение, сообщение, доклад, сообщение..."), Геннадий Григорьевич напоследок обратился к Василию Ильичу: "А что, Ваш молодой аспирант не будет что ли участвовать на конференции?" Я сам лично в то время, будучи еще лишь аспирантом первого года обучения, был весьма далек от научных форумов подобного ранга и, естественно, едва ли догадался и осмелился бы претендовать на участие во Всесоюзной (!) конференции. Однако с помощью Василия Ильича вынужден был "скоропостижно" придумать тему, и Лыткин сам набросал черновой вариант тезисов для доклада (вернее, сообщения). Неважно, что они впоследствии в корне были переработаны мной, тем не менее мне было значительно легче их составить. Это была первая моя Всесоюзная конференция – впоследствии я участвовал на каждой из них, пока они в связи с развалом Союза ССР тихо-мирно не отошли в историю. Сами тезисы под названием «Роль татарского языка в развитии абстрактной лексики кукморского диалекта удмуртского языка» [12] оказались первой моей научной публикацией, и с этого года собственно и начался отсчет времени моего личного знакомства со многими финно-угроведами и некоторыми тюркологами из различных республик и городов Советского Союза.

Мне нравилось исключительно демократичное и доброжелательное отношение сотрудников сектора финно-угорских языков к нам, аспирантам. Взять хотя бы то, что выполненные аспирантами диссертации принимались на обсуждение в секторе в рукописном виде, не говоря уже о приеме их глав и частей для просмотра научными руководителями. За пеленою десятилетий так и доносится до моего слуха характерная речь Клары Евгеньевны: *"Давайте ваши диссертации в рукописном виде, только пишите разборчиво"*, и мы, естественно, очень старались – представляли свои работы в клееном-переклеенном виде, но очень внятно и красиво написанные. Не зря в те времена ходило шутивное выражение: "Написать диссертацию очень просто, были бы под рукой бумага, ручка, ножницы, клей... и чуть-чуть мысли". А ведь печатание диссертационных работ перед их коллективным обсуждением, да к тому же еще на двух шрифтах, кириллице и латинице, потребовало бы от аспирантов заметных денежных затрат. Иногда заглядывал к финно-уграм член-корреспондент АН СССР Борис Александрович Серебренников, заведовавший тогда сектором германских языков и общего языкознания, травил анекдоты, очень смешные в его рассказе и не очень – в чужом пересказе (как известно, эффект анекдота зависит не только от его содержания, но и от того, кто и как его рассказывает). Мне кажется, он приходил в сектор, чтобы немножко поразвешаться от своих трудов. Непонятно, но факт: он меня в упор не замечал не только тогда, но и во все последующие годы...

Аспиранты-третьегодники финно-угорского сектора Григорий Иванович Ермушкин, исследовавший эрзя-мордовский язык, Анастасия Ильинична Сайнахова – мансийский язык и некоторые другие из иных секторов (все они

жили в другом общежитии, расположенном рядышком с моим) почти что взяли надо мной своеобразное шефство. Характерный случай. В старом здании Института языкознания, что находилось на улице Маркса-Энгельса (тогдашнее название), при секторе была крохотная прихожая, шутивно называемая "предбанником", где стояли небольшой шкаф (или высокий сейф?), кажется, заполненный какими-то бумагами да карточками (документами?), и малюсенький старинный столик, а на нем – старенькая пишущая машинка (члены сектора частенько пользовались ею). Как-то Григорий Иванович, побратски взяв меня за шкуру (наверное, все же за руку или плечо...), усадил за эту самую машинку "времен Очакова и покоренья Крыма" и сказал: "Учись печатать. Пригодится". Крайне законопослушный, я засел за машинку, учился печатать и "чему-нибудь да как-нибудь" все же научился: в бытность в Москве, все свои публикации по диссертации готовил на этой самой машинке-развалюхе (для печатания диссертации она уже не годилась); вернувшись в Ижевск, сам же шлепал свои статьи и рукописи книг для издательства; а когда появился компьютер, не только печатал/печатаю свои статьи для журналов и сборников, но и макетирую учебные пособия и монографии (порой не в одну сотню страниц) от первой буквы и до последней точки сам – и всегда с огромной благодарностью и тихой грустью вспоминаю своего доброжелательного наставника Гришу Ермушкина... Мне и самому было интересно читать рукописи их диссертаций (ведь "удовольствие" писать нечто подобное предстояло и мне!), и представляло определенную радость, если удавалось помочь устранить мелкие недочеты или исправить какую-либо погрешность в них. Помнится, мы два дня сидели вместе с автором над рукописью диссертации А.И. Сайнаховой (Сайнахидзе, Сайнахишвили – как в шутку называли ее аспиранты), редактировали ее и неизменно пили чай...

Как можно заметить, преамбула к основной теме моего выступления оказалась довольно (может быть, излишне) большой – и это отнюдь не случайно: во-первых, мои научно-творческие контакты с Раисой Михайловной Баталовой вызревали исподволь, постепенно, с годами. Причину этого я вижу не только в кажущемся суровом и в определенных случаях недоступном характере Раисы Михайловны, но и в том, что я и сам не всегда легко схожусь с некоторыми людьми ("находит коса на камень"). Во-вторых, мне хотелось хотя бы эскизно обрисовать тот морально-психологический климат и те межличностные отношения, которые царили в период моей аспирантской и постаспирантской юности в секторе финно-угорских языков, где всю свою творческую жизнь проводит Раиса Михайловна Баталова.

Мое личное и "научное" знакомство с ней началось с первых же недель моих аспирантских лет: в конце, кажется, 1964 года в секторе состоялось обсуждение досрочно выполненной ею плановой работы о языке коми-пермяцких учебно-методических пособий (точного названия не помню). Исследование получило высокую оценку сотрудников сектора, а из заключительного слова самого автора запомнилась весьма справедливая фраза о том, что количество изданий для коми-пермяцких школ, которые ей пришлось

проработать, было достаточно большое, и оно абсолютно не зависело от их тиража¹. Прочитать работу в рукописи мне тогда не удалось (скорее не успел), а в печатном виде она, как мне кажется, не вышла. Однако, судя по теме, данное исследование при явно недостаточной разработанности проблем истории пермских литературных языков и стилистики, не утратило своей актуальности и в наши дни (я бы и сам хотел иметь его в своей личной библиотеке) и посему, вне всякого сомнения, нуждается в издании – например, в качестве отдельного выпуска в серии «Трудов Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа»².

Хотя сотрудники сектора, с одной стороны, и аспиранты, с другой, вели свою повседневную творческую жизнь относительно автономно, тем не менее я был в курсе того, что Раиса Михайловна вскоре приступила к разработке новой большой темы – на этот раз по диалектологии коми-пермяцкого языка. Во-первых, она время от времени отчитывалась на заседаниях сектора о своих командировках в Коми-Пермяцкий национальный округ для сбора материалов в полевых условиях; во-вторых, периодически приходила в сектор для получения консультаций от своего научного руководителя либо для участия в каких-то мероприятиях, проводимых в секторе или Институте (обязательных присутственных дней для аспирантов, кажется, не было), я неизменно замечал, как Раиса Михайловна своим четким, красивым почерком исписывала листы столбцами каких-то слов и/или их форм – и я всегда удивлялся (и даже, кажется, чуточку завидовал) ее аккуратности. Впоследствии эти "столбцы" – выписки из экспедиционных материалов – я увидел в ее книге «Коми-пермяцкая диалектология» [1]. Как мне приходилось уже писать, "ни один из восточных финно-угорских языков еще не имеет такого подробного обобщающего описания своих территориальных вариантов", как коми-пермяцкий в лице данного исследования Р.М. Баталовой [8: 74]. Коми-пермяцкое языкознание по праву может гордиться им и его автором. Сюда для полноты картины следует добавить лингвогеографическое описание ею коми диалектов – «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки» [2] и частные монографические описания коми-пермяцких говоров: «Оньковский диалект коми-пермяцкого языка» [3], «Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка» [7] (более подробно см.: [7]), «Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка» [9]. Все эти монографии (за исключением последней) вкуче с серией статей легли впоследствии в основу ее докторской диссертации, защищенной в 1998 году в форме научного доклада [8] (подробнее см.: [18]). В связи с

¹ В этой связи напрашивается некая параллель: сложность системы языка напрямую не зависит от количества его носителей, но тем не менее при утверждении диссертационных тем по языку нередко принимается в расчет многочисленность населения, говорящего на этом языке. Так, если А.И. Сайнахова защитилась по теме "Служебные слова в мансийском языке", то эти же части речи в удмуртском языке распределяются между несколькими диссертантами. Так, одна из аспиранток пишет в настоящее время диссертацию на тему "Союзы неместоименного происхождения в удмуртском языке", другая – "Междометия в удмуртском языке"; частицы и послелоги ждут своих разработчиков на диссертационном уровне.

² Было бы весьма полезно не только для коми-пермяцкого языкознания, но и пермистики и финно-угроведения издать собрание статей и тезисов Р.М. Баталовой, опубликованных в различных журналах и сборниках.

вышеприведенными фактами могу заметить, что диалектология – это, пожалуй, авангард коми-пермяцкого языкознания, и в этом немалая заслуга принадлежит Р.М. Баталовой.

Мы с Раисой Михайловной находили/находим взаимопонимание не во всех вопросах пермистики и финно-угроведения, и я нередко выступал на научных совещаниях с критическими замечаниями по поводу отдельных положений ее докладов. До моего разума также не доходило и не доходит крайне ревностное оберегание Раисой Михайловной пределов коми-пермяцкого языкознания от вторжения "варягов" – иностранных и российских языковедов, не владеющих в совершенстве коми(-) и/или коми-пермяцким языками, что проявляется в ее далеко не цивилизованном выражении своего отношения как к зарубежным авторам исследований по коми языкам, так и к "некоми-пермяцким" научным руководителям коми-пермяцких аспирантов, да и к самим аспирантам в том числе. И это при том, что своих исследователей по нашим языкам (по коми-пермяцкому языку, пожалуй, в первую очередь) катастрофически не хватает! К тому же имеются прекрасные образцы сотворчества аспирантов и их научных руководителей, не владевших языком своих аспирантов, как в Институте языкознания (к примеру: проф. К.Е. Майтинская – асп. А.И. Сайнахова (мансийский язык), проф. В.И. Лыткин – асп. Т.И. Тепляшина, В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин (удмуртский язык), проф. Б.А. Серебренников – асп. А.Ф. Шутов, Л.Е. Кириллова (удмуртский язык), А.П. Феоктистов – асп. Б.И. Каракулов (удмуртский язык) и т.д.), так и в Тартуском университете (акад. П. Аристэ подготовил не один десяток аспирантов по восточным финно-угорским языкам). И по этому вопросу я всегда выражал и выражаю свое категорическое неприятие позиции Р.М. Баталовой и готов, по мере моих слабых сил, и впредь руководить научной подготовкой коми-пермяцких аспирантов, коль будет на то Божья воля... И Раиса Михайловна Баталова, разумеется, не могла и не может не знать кардинальных различий в моем и ее понимании обеих проблем, однако, к ее чести, следует заметить, что она – в отличие от ряда моих удмуртских коллег – научные споры и "противостояние" по отдельным научным проблемам, как правило, не имеет привычки переносить в плоскость личных взаимоотношений, и я чувствую с ее стороны ровную дружескую руку умудренного жизнью старшего человека и опытного ученого.

Об этом, в частности, свидетельствует весьма важное в моей жизни событие 1993 года. По настоятельному совету эстонского профессора Тийт-Рейна Вийтсо, я наконец-то решился на защиту докторской диссертации на основе научного доклада по совокупности опубликованных трудов. Со своим готовым докладом я поехал в Йошкар-Олу (в Москву не решался – оказалось, зря!), но получил там от председателя диссертационного совета проф. И.С. Галкина весьма неопределенный ответ, явно граничивший с отказом принять мою работу к защите. "А где монография?" – "Нет и в ближайшее время не будет!" – вот квинтэссенция моих переговоров с ним по телефону, и это при том, что в списке моих публикаций значились 3 книги и более

80 статей, тезисов докладов и учебно-методических разработок (более 100 печатных листов). По пути в Финляндию (в 1992-1994 гг. я работал приглашенным лектором удмуртского языка в Хельсинкском и Тартуском университетах) заглянул на всякий случай в сектор финно-угорских языков Института языкознания; и, вопреки своим ожиданиям, я был принят там "с распростертыми объятиями", в особенности искренне обрадовались Г.И. Ермушкин и Р.М. Баталова: наконец-то появился соискатель ученой степени доктора филологических наук и по финно-угроведению, а то защищались одни тюркологи и кавказоведы! Они-то и проделали всю организационную работу по подготовке моей диссертации к защите; сам же я, находясь в Хельсинки, был абсолютно бессилён предпринимать что-либо. Звонить днем в сектор у меня не было времени, да и стоило это очень дорого, поэтому звонил вечером после 22 часов хельсинкского – 23 ч. (!) московского – времени и, как правило, Раисе Михайловне: я плохо слышал гулкой мужской голос Григория Ивановича. Как-то Р.М. Баталова сказала: "Звоните мне ночью в любое время, я все равно плохо сплю" – и в этом раскрылось для меня истинное дружелюбие Раисы Михайловны, слегка "припорошенное" ее видимой строгостью и кажущейся неприступностью нрава. В декабре 1993 года состоялась защита моей диссертации по теме «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» [13], которая прошла не только успешно, но и душевно, ибо среди членов совета было много таких, которые помнили меня еще аспирантом и, как мне показалось, искренне были рады видеть меня уже в ином качестве (сердечное им спасибо!), так что мои страхи перед Москвой оказались напрасными. Возможно, это событие и подвигло одного из моих ближайших коллег-помощников из финно-угорского сектора решиться на аналогичный шаг: в 1997 году защитился Г.И. Ермушкин («Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка» [11]) (подробнее о докладе см.: [16]). Раиса Михайловна на его защите не присутствовала – в те и последующие годы были, к сожалению, в лаборатории финно-угорских языков определенные межличностные трения... На следующий день я попросил аудиенцию у Раисы Михайловны, и мои полуторачасовые переговоры с ней тет-а-тет возымели свое действие – Раису Михайловну, слава Богу, удалось уговорить на защиту докторской диссертации по тем же правилам, благо публикаций у нее было более чем достаточно; и ее защита состоялась в 1998 году («Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении» [8]) (подробнее о докладе см.: [18]). И я благодарен судьбе, позволившей мне хотя бы частично отплатить добром за добро – на обеих защитах я с удовольствием выступил в качестве одного из официальных оппонентов.

В одной из последних бесед во время очередного посещения Института языкознания (каждый раз, проезжая через Москву, я не могу не побывать в своей аспирантской alma-mater!) Раиса Михайловна как-то обмолвилась: вот-де напишу (или напишем? – в точности не помню) новый вариант коми-пермяцкой

грамматики, тогда уж можно уйти на покой. И на меня нахлынули противоречивые чувства:

с одной стороны, мне стало "скучно и грустно" оттого, что ласковое и безжалостное Время ничего и никого не щадит, и лабораторию финно-угорских языков покинет "последний из могикан" старой ее гвардии, при которой я начал свое вхождение в мир большой науки и в течение многих лет после завершения аспирантуры привык встречать ее представителей в стенах Института языкознания во время нечастых своих приездов в Москву – давно ушла на пенсию Т.И. Тепляшина, уехала из Москвы Е.И. Ромбандеева (она оказалась в лаборатории уже после меня); покинули не только институт, но и наш бранный мир В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская, Е.И. Коведяева, А.П. Феоктистов, Г.И. Ермушкин, в последние годы работавшие там Б.А. Серебrenников, Ю.С. Елисеев, А.П. Юдакин... На их место, разумеется, пришли другие работники, которые, судя по некоторым моим предварительным впечатлениям, отнюдь не хуже прежних, – но ... иные; и мне придется заново "подружиться" с ними;

с другой стороны, радостно оттого, что Раиса Михайловна имеет свою голубую мечту, и эта ее мечта, во-первых, может оказаться – очень на это надеюсь – отнюдь не последней; во-вторых, непременно будет осуществлена, ибо юбиляр имеет все основания для ее реализации: судя по монографическим изданиям вкпе с не упоминавшимися выше книгами "Коми-пермяцкий язык" [20], "Коми-пермяцкой орфографической словарь" [21], "Коми-пермяцко-русский словарь" [10], которые написаны с ее участием, и с рядом очерков о пермских языках, выполненных ею для коллективных монографий [4; 5; 6]), Р.М. Баталова – опытный языковед-"синхронист". Диахронические же "вылазки", которые изредка совершает Раиса Михайловна при синхронном описании отдельных языковых явлений, не особенно впечатляют, и мне кажется, что она (диахрония) – это не ее.

Кстати, если ведущие современные специалисты в области коми-пермяцкого языкознания не хотят замкнуть его лишь в рамках прикладных проблем создания школьных и вузовских учебников, учебно-методических пособий и справочников, а развивать как полноценную науку, то должны всерьез задуматься и об исторической его составляющей: исторической фонетике как основе исторического языкознания вообще, исторической лексикологии и этимологии, исторической грамматике, истории коми-пермяцкого литературного языка и коми-пермяцкого языкознания и т.д. Подготовка специалистов в этой области – дело предельно трудное и весьма длительное. С целью же привлечения подрастающей научной молодежи к проблемам истории (и не только!) родного языка, необходимо, как мне думается, предоставить в ее распоряжение не только библиографию научных, учебно-методических и ранних текстовых публикаций по коми-пермяцкому языку, но и важнейшие источники по его истории – ранние памятники письменности (XVIII – начала XX в.) и диалектные материалы: аналитические описания их, сборники квалифицированно изданных текстов и

диалектологические словари. Впрочем, это касается не только коми-пермяцкого языкознания...

Юбиляру же, ведущему научному сотруднику лаборатории финно-угорских языков Института языкознания РАН доктору филологических наук Раисе Михайловне Баталовой, я от всей души желаю крепкого здоровья и долгих лет жизни, жажду работать в той области, где ее труд наиболее продуктивен и полезен всем нам – специалистам в области пермского и финно-угорского языкознания! А твердости духа ей не занимать...

Литература

1. Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкозн. – М: Наука, 1975. – 252 с.
2. Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – М: Наука, 1982. – 168 с.
3. Баталова Р.М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. – М, 1990. – 205 с.
4. Баталова Р.М. Пермские языки // Языки мира: Уральские языки / РАН. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1993. – С. 209-214.
5. Баталова Р.М. Коми(з-рянский) язык // Языки мира: Уральские языки / РАН. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1993а. – С. 214-229.
6. Баталова Р.М. Коми-пермяцкий язык // Языки мира: Уральские языки / РАН. Ин-т языкозн. – М: Наука, 1993б. – С. 229-239.
7. Баталова Р.М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.–Гамбург, 1995. – 197 с.
8. Баталова Р.М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: Науч. докл., представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / РАН. Ин-т языкозн. – М, 1998. – 70 с.
9. Баталова Р.М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. – Гронинген, 2002.
10. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь: Около 27 000 слов / АН СССР. Ин-т языкозн.; Пермский гос. пед. ин-т. – М: Русский язык, 1985. – 624 с.
11. Ермушкин Г.И. Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка: Науч. докл., представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / РАН. Ин-т языкозн. – М., 1997. – 53 с.
12. Кельмаков В.К. Роль татарского языка в развитии абстрактной лексики кук-морского диалекта удмуртского языка // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми фил. – Сыктывкар, 1965. – С. 53-55.
13. Кельмаков В.К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Науч. докл., представленный в качестве диссертации на

- соискание ученой степени доктора филологических наук. / РАН. Ин-т языкозн. – М., 1993. – 57 с.
14. Кельмаков В.К. [Рецензия] // LU. 1997. № 2 (XXXIII). – С. 146-151.
  15. Кельмаков В.К. Рец. на: Р.М. Баталова. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. – М.–Гамбург, 1995. – 197 с.
  16. Кельмаков В. К.: [Рецензия] // Финно-угроведение. 1997а. № 3. – С. 99-105.
  17. Кельмаков В.К. Рец. на: Ермушкин Г.И. Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка: Науч. докл., представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / РАН. Ин-т языкознания. – М, 1997. – 53 с.
  18. Кельмаков В. К.: [Рецензия] // LU. 1999. № 1 (XXXV). – С. 74-78.
  19. Кельмаков В.К. Рец. на: Р.М. Баталова. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: Науч. докл., представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М, 1998. – 70 с.
  20. Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология. – Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во, 1962. – 340 с.
  21. Кривошекова-Гантман А.С, Баталова Р.М. Коми-пермяцкой орфографической словарь. – Перм. кн. изд-во, 1966. – 257 с.
  22. В исследовании приняли участие 192 информанта, разделенные по возрастному цензу, по месту жительства и образованию. Сбор материала был проведен в 2005-2006-ом году с помощью анкетирования.